

28.05.94

ГЛАВНЫЙ ДИРИЖЕР —
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ДИРЕКТОРУ

«Я не стал бы говорить, что театр на краю пропасти»

В газете «Культура» от 21 мая опубликовано два материала под общим заголовком «Большой театр на краю бездны...». Первый — перепечатка из журнала «Шпигель» — «Построенный на песке», второй — с сомнительно оптимистичным названием «Пока не рухнул». К первому претензий у меня лично нет — журналисты из «Шпигеля», наслушавшиеся сплетен, начитавшиеся отрывочных исторических сведений и воспринявшие чьи-то субъективные мнения и выводы, претендуют на «беспристрастный взгляд», который может разве что вызвать улыбку.

Но вторая статья меня, мягко говоря, поразила. Поскольку написана она генеральным директором Большого театра Владимиром Кокониным, чей ранг заставляет воспринимать изречаемые истины в последней инстанции уже достаточно серьезно. По той простой причине, что г-н Коконин говорит от лица руководства Большого театра. И для руководства Большого театра, к которому не без оснований я себя причисляю, некоторые положения и выводы г-на директора звучат, по крайней мере, неожиданно. Я не буду пользоваться примером нашего генерального директора и обобщать мнение нашего руководства. Я могу и хочу говорить от себя лично.

Во-первых, я не понимаю, почему главный чиновник, главный администратор Большого театра (будем называть вещи своими именами) берется обсуждать на страницах большой газеты, нужны ли в Большом главные специалисты или нет. Цитирую: «Возможно, претерпит изменения структура управления театром. В Большом далеко не всегда существовал институт главных специалистов... Не всегда были главные и в советское время... Впрочем, повторяю, этот разговор еще впереди».

Я являюсь главным дирижером, соответственно, и главным специалистом, для меня заявление нашего генерального директора, очевидно, должно звучать, как для школьника предупреждение директора: «Ну-с, с вами разговор у меня будет в конце четверти». Встречаясь с Владимиром Кокониным в театре если не каждый день, то достаточно часто, я и не подозревал, что у нас с ним впереди подобные разговоры.

Логично было бы предположить, что такие беседы, касающиеся организации и структуры руководства театром, сначала должны быть проведены в стенах самого театра. Но В. Коконин избирает другой путь. Для меня является очень показательным, что именно Коконин, в чей адрес «Шпигель» не кидает камней, а, скорее, рекламирует его «проект спасения театров», комментирует данный материал. И зная, с каким рвением он воспринимает все статьи о Большом, как требует визирования материалов у журналистов, которые просят доступа в театр, невольно думаешь, что вся публикация «Большой театр на краю бездны?» — плод неожиданного режиссерского воодушевления г-на Коконина, его лебединая песня в большом искусстве. То есть я считаю допустимым думать, что о статье в «Шпигеле» наш генеральный директор знал заранее, и она была именно ему в какой-то степени выгодна.

И чем выгодна, мне тоже понятно. Прибрать Большой к рукам — не самый слабый проект для любого хозяйственника. И, конечно, гораздо легче править театром без специалистов. Сам генеральный имеет четырех заместителей и четырех директоров творческих коллективов (итого девять администраторов), не обладающих правом решающего голоса (решающий голос только у него). При этом он встревожен мыслью о необходимости присутствия в театре главного дирижера, главного балетмейстера, главного хормейстера и главного художника.

Мне необходимо оговориться, что это именно я пригласил в свое время В. Коконина в Большой театр (не подозревая, что через несколько лет

мы начнем играть в сказку «Была у лисички избушка ледяная, а у зайочки — лубяная») и что именно я содействовал тому, чтобы мы вышли из-под крыла Министерства культуры и стали «отдельной строкой» финансирования правительства. И вся эта деятельность привела к тому, что В. Коконин назначен генеральным директором уже указом президента. То есть он — человек, реально облеченный определенной властью и полномочиями. И я не могу понять, на что эту власть и полномочия В. Коконин употребляет.

В потоке, нет, скорее, шквале критики в адрес Большого есть и определенное рациональное зерно. Да, требуется контрактная система (о чем давно уже говорится), да, артисты получают в Большом до смешного низкую зарплату и, как следствие этого, стремятся зарабатывать зарубежными поездками, да, требуются дотации, компенсации. В конце концов требуются реформы, о которых так любит говорить генеральный директор. И это все, как говорится, требовалось еще вчера. Почему же он, генеральный директор придворного театра (и в этом слове нет ничего зазорного, это почетно), назначенный президентским указом, не пользуется своим высоким положением? Где его связи в правительстве, наконец?

И еще. Во всем мире во главе крупных театров — творческие люди. И могу сказать за себя: если бы я не был главным дирижером Большого театра, я не поставил бы спектакли, которые являются сегодня лицом театра. Я не смог бы этого сделать. Вместо этого театр переваривал бы очередного Массне в режиссуре следующей оперной примадонны. Мне трудно представить, чтобы кто-нибудь дал Григориачу возможность поставить его балеты, если бы он не был главным балетмейстером. Думаю, что нет. Все было бы потоплено в расписаниях репетиций, хозяйственных трудностях и т. д. У меня нет иллюзий на этот счет. Когда меня приглашали в театр, то три раза откладывали дебют.

Театр продолжает выпускать новые спектакли. Это значит, что у него есть творческий потенциал. Об этом, кстати, говорит и то, что артистов Большого с радостью ждут за рубежом. Об этом говорят и большие, интересные планы театра. Неугасающий интерес прессы к театру также своеобразно говорит о том, что театр жив. Я не стал бы говорить, что он на краю пропасти. Хотя же почему-то артисты работают в Большом за двести тысяч рублей, в то время как в Германии они получали бы по крайней мере две тысячи долларов за выход?

У меня есть и еще одно доказательство того, что, во всяком случае, моя работа представляет интерес, находит зрителя, а у зрителя — живой отклик.

После премьеры опер Рахманинова ко мне подошел Владимир Михайлович Коконин, сказал, что он не мог бы и представить себе лучшего исполнения Рахманинова, и от всей души поздравил. А после всех этих поздравлений я пришел к себе в кабинет, и мне принесли свежий номер «Культуры», а в нем — статья, где он задается вопросом, нужны ли главные специалисты. Я считаю, что, поздравив меня с творческой удачей, Владимир Михайлович поступил благородно и честно. По-своему.

Владимир Михайлович, если бы вы по-другому радели за реформы в театре, главные специалисты и рады были бы заняться исключительно творчеством (а не писанием подобных заметок). Но пока, борясь за право услаждать ваш слух и слух других слушателей Рахманиновым, я буду оставаться на своем месте. И работать, я надеюсь, во славу театра. А вот как мы, главные специалисты, будем теперь работать с вами, я, честно говоря, не знаю.

А. ЛАЗАРЕВ,
главный дирижер
Большого театра.